

Реализация органами государства публичного начала российского уголовного процесса при рассмотрении жалоб лиц, пострадавших от пыток // Международные стандарты прав человека и проблемы их реализации в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ. (Книга 1): Материалы междунаро. научн.-практ. конференции. – Харьков: Изд-во «Право». 2011 г. С. 11-22.

Автор данного текста кроме научной и преподавательской работы уже в течение семи лет, являясь сотрудником Красноярского «Общественного комитета по защите прав человека», проводит общественные расследования по жалобам граждан, пострадавших от незаконного физического и психического насилия со стороны сотрудников милиции. За это время накоплен определенный опыт, позволяющий оценить деятельность правоохранительных органов по реагированию на жалобы о пытках. Оценка эта, к сожалению, неудовлетворительная. Нет такого нарушения закона, которое бы не допускалось следователями прокуратуры при рассмотрении жалоб на применение пыток. Все их усилия сосредоточены на том, чтобы отказать в возбуждении уголовного дела. Причин этому много. Главная из них – отношение к человеку не как к цели, а как к средству. Мышление - вещь консервативная, сформированное на базе прежних стереотипов неуважения к человеку, его правам, оно до сих пор определяет стиль отношения к нему. В сознании многих прокурорских работников не отложилось еще понимание того, что применение пыток является грубым нарушением ч. 1 ст. 21 Конституции РФ и международных Конвенций о защите прав человека и основных свобод. Возможной причиной является также корпоративная психология, в основе которой лежит совместная деятельность следователей прокуратуры и оперативных сотрудников милиции по раскрытию преступлений, вследствие чего нарушения со стороны последних не воспринимаются как неправомерные, и, тем более, преступные.

Результатом такого отношения следователей к своим обязанностям является попытка переложить на заявителя и его представителей, в данном случае сотрудников Общественного комитета по защите прав человека, обязанность доказать причастность конкретного сотрудника милиции к причинению телесных повреждений заявителю, что практически очень сложно при отсутствии соответствующих полномочий. Но даже в тех случаях, когда у нас появляется возможность найти источник необходимой информации, изыскиваются различные способы для того, чтобы не принимать ее во внимание. В одном из последних ответов на наше обращение, в котором мы

указали очевидцев избиения, нам было сообщено, что рассмотреть эту информацию не представляется возможным, так как мы не представили доказательств, что это действительно очевидцы и не приложили их объяснения. В другом случае следователь прямо заявила, что поскольку доказательств избиения именно сотрудниками милиции заявитель не представил, то и о возбуждении дела против них речи быть не может. Что это? Может быть одной из причин, обуславливающих незащищенность граждан, пострадавших от применения к ним незаконного насилия для получения признательных показаний является представление следователей о том, что в основе российского уголовного процесса лежит состязательное начало? Тем более, что к тому есть основание – ст. 15 УПК РФ, провозглашающая принцип состязательности. В свое время нами было проведено исследование по выяснению того, как понимают действующий УПК практические работники при наличии в нем этой статьи. При разбросе ответов на разные вопросы анкеты было выяснено, что в целом уголовный процесс России воспринимают как состязательный с элементами публичности только 23% опрошенных [7, с. 110-114], но таковых становится почти 100%, как только речь заходит о преступлении, связанном с получением показаний под пыткой. Следовательно, понимание уголовного процесса как состязательного не является основной причиной допускаемых нарушений при работе следователей с жалобами по рассматриваемой категории. Основные были указаны выше. Но все они, основные и иные, объединяются одним – забвением публичного начала российского уголовного процесса, как только речь заходит о возможной ответственности сотрудников милиции за вред, причиненный ими при получении признательных показаний.

Автором данной статьи в предыдущих работах было обосновано, что состязательность российского уголовного процесса не более чем миф, а содержание ст. 15 – декларация. Декларация, потому что в УПК нет механизма, переводящего ее содержание в пласт реальной деятельности [6].

Характер отношений, регламентируемых уголовным процессом, публичен. В силу этого начала органы государственной власти должны установить картину прошлого в полном объеме, выявить и защитить законные интересы всех участвующих в уголовном процессе и на основе баланса интересов принять социально значимое решение. Ресурсы участников процесса в этом случае не должны иметь значения.

Говоря о публичности, мы не склонны, как делает это большинство авторов, видеть ее содержание в обязанностях органов расследования, прокуратуры и суда принимать все предусмотренные законом меры и производить все предусмотренные законом действия для раскрытия

преступлений, изобличения и наказания лиц, виновных в их совершении, охраны прав и законных интересов участников процесса, не ставя совершение этих действий в зависимость от усмотрения заинтересованных лиц и организаций [5, с.6; 8, с. 186; 10, с. 10; 13, с. 1; 14, с. 92]. Полагаем, что дело обстоит несколько иначе: эти обязанности вытекают из социально-политической сущности публичности, основа которой заключается в том, что государство в лице своих органов принимает на себя ответственность оградить общие интересы от преступных проявлений, обязуется перед обществом и гражданами быть активным в деле обеспечения защиты. Реагирование на каждый случай преступления признается не частным, а государственным делом по реализации общих интересов, в рамках которых находится также соблюдение при расследовании и рассмотрении уголовных дел свобод, законных прав и интересов всех участвующих в уголовном судопроизводстве.

Следует подчеркнуть, что процесс, основанный на публичном начале, в демократическом государстве с развитым гражданским обществом должен служить не интересам государства, как считают некоторые авторы [12, с. 149]., а интересам общества и каждого человека. В данном случае речь идет о служении общему благу. В свете сказанного вряд ли правильно определять приоритеты служения, как это делает М.П. Поляков, – сначала «(обществу) и государству и лишь затем отдельному человеку» [11, с. 184]. Обществу – да, отдельному человеку – да, но не государству. Ведь именно государство в лице своих органов как раз и призвано на эту службу обществом.

Служение государству – уже не публичность, а официальность процесса. Именно так это и понималось в советский период, когда в текстах за словом публичность в скобках стояла официальность. В силу такого подхода уголовное судопроизводство должно было в первую очередь способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР). Следовательно, стоять на страже интересов государства. Официальность цементировала органы государства в единый механизм. Единство в рамках официальности - это сплоченность органов государства, управляемых одной волей. Единство в рамках публичности – осознание членами общества их общих интересов и создание на этой основе гражданского общества, использующего государственный аппарат для реализации этих интересов. Публичность – это деятельность в интересах общества. В этом ее отличие от официальности [9, С. 11].

Переложение обязанности доказывания на плечи заявителя, односторонность при проверке их заявлений с целью выгородить сотрудников милиции не только нарушает интересы конкретного гражданина, но и не соответствует интересам каждого члена общества, следовательно, общества в

целом. Преступник в погонах, облеченный властью, что может быть страшнее для общества, что может сильнее подрывать доверие к власти? Данная ситуация недопустима как с точки зрения соблюдения прав человека, так и с точки зрения природы российского уголовного процесса. Обязанность по расследованию преступления должно взять на себя государство в лице уполномоченных органов. Именно уполномоченные органы в силу публичности процесса должны установить, есть ли основания для возбуждения дела, а после возбуждения взять на себя всю работу по сбору доказательств. Ведь УПК РФ в ст. 74 говоря о субъектах, обязанных устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, говорит только об органах государства.

Выше уже была дана общая оценка тому, как следователи реализуют публичное начало при поступлении заявления о применении сотрудниками милиции незаконных мер физического или психического воздействия для получения признательных показаний. Нарушений много. В рамках данной статьи остановимся на основных моментах. Как правило, все начинается с задержания. Сотрудники правоохранительных органов, толкуя уголовно-процессуальное законодательство, придают ему смысл, в соответствии с которым срок задержания начинает течь с момента окончания доставления лица. Таким образом, получается, что лицо в период между захватом и окончанием процедуры его доставления к следователю находится вне рамок правового регулирования. Этот период, по тем жалобам, о которых идет речь в данной статье, достаточно интенсивно используется оперативными сотрудниками милиции для выбивания явки с повинной. Получение ее решает сразу несколько задач: легализует основание для задержания, тогда, когда оно изначально, как правило, базировалось на очень смутных подозрениях; позволяет рапортовать, в надежде на поощрение, которые зачастую сбываются, о задержании лица, причастного к совершению преступления.

Среди многих случаев из нашей практики наиболее яркой является ситуация, которая сложилась по жалобе Ч., обратившегося в наш комитет за помощью. Заявитель жаловался, кроме применения незаконного насилия сотрудниками милиции, на то, что фактически он был задержан примерно в 16⁰⁰ 25.01.2009 г. в п. Шушенское, протокол же задержания был составлен в 04 часа 27.01.2009 г. в г. Красноярске. В одном из ответов прокуратуры Красноярского края на жалобу заявителя сообщалось следующее: «В протоколе задержания указано время задержания 02 часа 27. 01. 2009, время составления протокола – 04 часа 27.01.2009. Согласно рапорту оперуполномоченного ОРЧ -1 УР ГУВД по краю Н. Вы задержаны 26.01.2009 в 19 часов, доставлены к следователю, уполномоченному в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ произвести

задержание и составить соответствующий протокол, 27.01.2009 в 02 часа. Срок задержания исчисляется с момента доставления к следователю, после чего в течении трех часов составляется протокол задержания. В связи с этим фактическое задержание произведено следователем в 02 часа 27.01.2009, то есть непосредственно после доставления, а протокол составлен в 04 часа 27.01.2009, что не противоречит требованиям части первой ст. 92 УПК РФ». В ответе не содержится обоснования утверждения, что срок фактического задержания должен исчисляться с момента доставления к следователю. Ссылка на часть первую ст. 92 УПК РФ в этом случае не может быть принята, т.к. в этой части говорится только о том, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания.

Обращает на себя внимание логическая противоречивость приведенной выдержки из ответов работников прокуратуры: утверждается, что срок задержания исчисляется с момента доставления следователю, а выше пишется, что Ч. был **задержан согласно рапорту Н. 26.01.2009 в 19 часов**. Но и это не все. Опровергая утверждения Ч. о том, что к нему применяли насилие в ОРЧ – 1 г. Красноярска, сотрудники прокуратуры ссылаются на его объяснения, что насилие к нему применялось в ОВД по Шушенскому району **после задержания**. В итоге – Ч. задерживался три раза по одному и тому же поводу, но срок задержания предлагается исчислять с момента доставления к следователю.

Подобное понимание момента фактического задержания, с которого необходимо исчислять его сроки не соответствует не только международному, но и российскому законодательству. Уже не раз Европейский Суд по правам человека констатировал, что в России нарушают ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующую свободу и неприкосновенность личности. В ряде его решений говорится о жертвах недокументированного задержания и подчеркивается, что лишение свободы без ее фиксации является нарушением самой сути гарантий статьи 5 Конвенции и тот факт, что задержание не было надлежащим образом зафиксировано признается грубейшим нарушением (см. Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против РФ» (жалоба № 59261/00; Страсбург, 9 марта 2006 г.); Постановление Европейского Суда по делу «Читаев и Читаев против РФ» (жалоба № 59334/00; Страсбург, 18 января 2007 г.)).

Следовательно, если руководствоваться решениями Страсбургского Суда, а мы должны это делать, – момент фактического задержания определяется моментом лишения свободы.

Эту же логику реализовал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова. Своим решением он внес существенную коррекцию в определение начала исчисления срока задержания подозреваемого. Органам предварительного расследования, прокурору и суду предложено понятия "задержанный" и "подозреваемый" толковать в конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальном узком смысле. В Постановлении Конституционного Суда сказано, что "право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица приняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, - удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность"[1]. Эту позицию Конституционный Суд подтвердил в ряде своих последующих решений [2; 3].

Такой правовой подход к пониманию содержания понятия "подозреваемый" позволяет отождествлять момент фактического задержания с моментом захвата лица, совершившего преступление, и включать время его доставления в срок задержания подозреваемого.

Положения этого постановления нашли отражение в ст. 49 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ «При задержании срок исчисляется с момента фактического задержания», а п. 15 ст. 5 УПК расставляет все точки над *i*, связывая момент фактического задержания с моментом фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Исходя из системного толкования вышеназванных норм, можно сделать вывод, что срок задержания начинает исчисляться именно с момента фактического задержания, т.е. с того момента, когда лицо было фактически лишено возможности распоряжения своим конституционным правом на свободу и личную неприкосновенность, гарантированным ст. 22 Конституции РФ. Лишение права на свободу выражается в фактическом лишении свободы передвижения, что является задержанием в физическом смысле. Именно об этом говорит п. 15 ст. 5 УПК РФ.

Таким образом, используя терминологию Страсбургского Суда, Ч. – жертва недокументированного задержания, лишенная незаконно свободы с 16⁰⁰ 25.01.09 по 04 часа 27.01.2009.

Начав с незаконного задержания, истории по жалобам о применении пыток заканчиваются, как правило, вынесением незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, которые многочисленными руководителями следственных органов и прокурорами признаются законными и обоснованными. Чаще всего в качестве основания для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения используется такое основание как отсутствие состава преступления в действиях конкретных сотрудников милиции (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Хотя сам факт причинения телесных повреждений гражданину, когда он находился под контролем сотрудников милиции, материалами проверки или проведенного расследования не опровергается.

Применение этого пункта для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, на наш взгляд, является незаконным, т.к. в рамках решения вопроса о возбуждении уголовного дела достаточно установить наличие или отсутствие основания (ч. 2 ст. 140 УПК), под которым следует понимать вывод о возможном выполнении объективной стороны состава преступления. Все остальные элементы состава, в том числе субъект и его виновность, должны быть установлены в рамках предварительного расследования.

Так считаем мы, но руководители следственных органов, руководители Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Красноярскому краю, с которыми этот вопрос нами обсуждался на одном из правозащитных семинаров, считают иначе. Их позиция базируется на одном из определений, вынесенных в порядке надзора 28 февраля 2006 года судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [4]. Основанием для внесения представления заместителя Генерального прокурора РФ в судебную коллегию послужило его несогласие с трактовкой судами Самарской области того, что следует понимать под основанием для возбуждения уголовного дела. Прокурор посчитал, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела не требуется обязательного установления лица, совершившего преступление, нормы ст. 146 УПК РФ таких требований не содержат. В судебных решениях, об отмене которых ставился вопрос в представлении, зафиксирована иная позиция. Судьи Самарской области исходили из того, что диспозиции статей 285 и 286 УК РФ предусматривают использование служебных полномочий вопреки интересам службы и превышение должностных полномочий конкретным должностным

лицом. Возбуждение уголовного дела в отношении неопределенного круга лиц Самарской области без указания конкретного должностного лица, допустившего действия, подпадающие под признаки указанных выше преступлений, противоречит требованиям закона. С этой логикой согласились судьи судебной коллегии Верховного Суда, представление прокурора было оставлено без удовлетворения.

Ссылаясь на это определение, руководители следствия производят подмену тезиса. Вместо того, чтобы вести речь о преступлении против правосудия (ч. 2 ст. 302 УК РФ) они предлагают пытки, с целью получения признательных показаний, рассматривать как преступление против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, не обращая внимание на то, что объекты преступного посягательства в этих случаях разные.

Стороннего наблюдателя может удивить и тот факт, что определение судебной коллегии работниками следствия, да и всей прокуратуры в целом, воспринимается как постановление Пленума Верховного Суда, содержащее руководящее разъяснение. Нас не удивляет – всякое лыко в строку, если оно служит на пользу. А польза здесь не в защите публичных интересов, а в защите неправильно понимаемых корпоративных.

Ну а сейчас рассмотрим возможность применения позиции, высказанной в выше приведенном определении, к ситуациям, когда заявитель жалуется на то, что к нему сотрудниками милиции было применено незаконное насилие. Злоупотребить властью, превысить свои должностные полномочия может только конкретное должностное лицо, но ведь это должностное лицо нужно установить. Возможно в тех случаях, на которые распространяется действие ст. ст. 285 и 286 УК, это сделать не сложно. Но всегда ли подвергнутый пытке может назвать фамилии конкретных сотрудников милиции, которые его пытали? Как правило, узнает он их и то не все, когда ему сообщают результаты проверки. Ну а если насилие для получения признательных показаний было применено сокамерниками в ИВС или СИЗО, которые действовали, безусловно, не по собственной инициативе, а по заданию сотрудников милиции, разве это можно выяснить до возбуждения уголовного дела? Установка на то, что в рамках решения вопроса о возбуждении уголовного дела по жалобе о пытке должно быть установлено лицо, причастное к совершению преступления, превращает эту деятельность в суррогат предварительного расследования, лишает заявителя тех процессуальных гарантий защиты его интересов, которые существуют в рамках предварительного расследования. Полагаем, что существенную роль в неправильном понимании основания для возбуждения уголовного дела сыграло то обстоятельство, что в ч. 2 ст. 140 УПК РФ,

законодатель связывает его с наличием достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Но тождественны ли эти признаки тем, о которых говорит законодатель в ст. 14 УК РФ и которые позволяют отграничить преступление от иных общественно опасных деяний? Практические работники и мы даем на этот вопрос разные ответы. Они - положительный, мы - отрицательный. Что может быть признаками преступления в уголовно-процессуальном смысле? Следы, которые оставило деяние. Считывая информацию с них, мы приходим к предположительному выводу о выполнении объективной стороны преступления. Этого достаточно для положительного решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Все это есть в большинстве случаев, когда лицо обращается с заявлением о применении к нему пыток. При наличии телесных повреждений у заявителя, при подтверждении того, что они получены в то время, когда он находился во власти сотрудников милиции, необходимо возбуждать уголовное дело и проводить расследование до установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Это требование вытекает не только из нашей трактовки национального законодательства, но и из практики Страсбургского суда. В ряде его решений подчеркивается обязанность органов государства доказать, что телесные повреждения у пострадавшего, возникшие в то время, когда он находился во власти сотрудников полиции, появились не по вине последних. В этих случаях предписывается установить действительно виновного. Доказать это, установить виновного можно только одним способом - возбуждив и расследовав уголовное дело. Неустановление влечет реализацию презумпции виновности органов государства со всеми вытекающими последствиями. Исходя из этого, любой случай отказа в возбуждении уголовного дела по жалобам о применении пыток, без установления действительно виновного, является необоснованным и свидетельствует о виновности органов государства (см.: Постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» (Жалоба № 18896/91; Страсбург, 4 декабря 1995 г.); Постановление Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (жалоба № 21986/93; Страсбург, 27 июня 2000 г.); Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против РФ» (жалоба № 59261/00; Страсбург, 9 марта 2006 г.); Постановление Европейского Суда по делу «Миронов против РФ» (жалоба № 22625/02; Страсбург, 8 ноября 2007 г.); Постановление Европейского Суда по делу «Тимергалиев против РФ» (жалоба N 40631/02; Страсбург, 14 октября 2008 г.))

Нельзя сказать, что следователи не понимают, что допускают нарушение закона, необоснованно отказывая в возбуждении уголовного дела. Прекрасно понимают. Об этом свидетельствует тот факт, что принимая от граждан заявления о незаконном применении к ним физического и психического

воздействия сотрудниками милиции, как правило, их не предупреждают об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, т.е. не выполняют предписание ч. 6 ст. 141 УПК РФ. Наличие такого предупреждения, в случае отрицательного решения по заявлению, обязывает следователя возбудить уголовное дело против заявителя, в ходе расследования которого с соблюдением всех процессуальных гарантий не исключено установление правдивости информации, изложенной им в заявлении.

Попытки правозащитников, ряды которых немногочисленны, добиться от органов государства выполнения их публичного предназначения по жалобам граждан на пытки, которым их подвергают сотрудники милиции, воспринимаются последними как досадная помеха, раздражитель, но не более. Можно добиться результатов по одной жалобе, по другой, но в целом это не меняет ситуацию. Не изменит ее и совершенствование уголовно-процессуального законодательства: не выполняя предписания действующего закона, они не будут соблюдать и более совершенный. Полагаем, единственный инструмент, с помощью которого можно добиться изменения ситуации – развитие демократических институтов гражданского общества, которым станут подконтрольны органы государства.

Список литературы

Постановление и определения Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 № 11-П // СЗ РФ.- 2000.- № 27.- Ст. 2882 .
2. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 № 350-О «По жалобе гражданина Кузина Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частью первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант +»
3. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2009 № 890-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мелкомяна Эдуарда Мелкумовича на нарушение его конституционных прав положениями ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант +».
4. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2006 г. № 46-Дп05-77 // СПС «Консультант +».

Специальная литература

5. Бандурин, С.Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Г. Бандурин. - Саратов, 2004. - 23 с.
6. Барабаш, А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. -257 с.
7. Барабаш, А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 420 с.
8. Громов, Н.А., О действии принципов публичности и диспозитивности при возобновлении уголовных и гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Н.А. Громов, В.В. Николайченко, Ю.В. Францифироф // Правоведение. - 1999. - № 1. - С. 186.
9. Калиновский, К.Б. Законность и типы уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Б. Калиновский. - СПб., 1999. – 22 с.
10. Названова, Л.А. Принцип публичности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: Автореф.дис. ...канд. юрид. наук / Л.А. Названова. - Л., 1990. – 22 с.
11. Поляков, М.П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса / М.П. Поляков //Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27-28 янв. 2005 г.: В 2 ч. Екатеринбург, 2005. - Ч. 2. - С.191-195.
12. Проценко, В.П. Генезис антисистемы в праве. Уголовно-процессуальные и нравственные аспекты / В.П. Проценко. - Краснодар: Советская Кубань, 2003.- 272 с.
13. Седаш, Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Седаш. - Саратов, 2000. – 24 с.
14. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под. общ ред. П.А. Лупинской. - М.: Юрист, 1995. – 554 с.